

О «культурной семантике» наименований утвари в русском и казахском языках

Алмагуль Дильдиновна Маймакова, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, amaimakova@mail.ru

Ключевые слова: язык, культура, культурная семантика, этнолингвистика, русский язык, казахский язык, наименования утвари

Key words: language, cultural semantics, ethnolinguistics, Russian, Kazakh, names of utensil

Углубленное внимание к проблемам семантики в современной лингвистике приводит исследователя к необходимости обращения к широкому культурно-историческому контексту при исследовании слова и его функций. Признание и подтверждение важности такого подхода к языковым явлениям мы находим в трудах выдающихся представителей славянской филологической школы прошлого А.Н.Афанасьева, Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни и др., говоривших о необходимости изучения языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. Эти и многие другие оригинальные идеи ученых не утратили и до настоящего времени своей научной ценности, во многом определили основы современных этнолингвистических исследований, что позволяет видеть в них предшественников современной восточнославянской этнолингвистики. Именно из их филологических разысканий вырастает понимание этнолингвистики как направления в языкознании, которое изучает отражение в языке культурных, социально-психологических и мифологических представлений и «переживаний» в их диахроническом движении [Толстой 1995: 39].

Язык в соответствии с направленностью этнолингвистики служит одновременно и инструментом ментального упорядочивания мира, и зеркалом этнического мировидения, мирочувствования и мирозерцания.

Данный подход дает основания рассматривать единицы языка, и особенно единицы его лексического уровня, не только как собственно лингвистические, но и как лингвокультурные феномены. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ «культурной семантики» слова. Слова обыденного языка, по Н.И.Толстому, в языке культуры получают «особые символические значения (культурную семантику), которые надстраиваются над всеми прочими уровнями значения: собственно лексическим, лексическими коннотациями, экстралингвистическими (энциклопедическими) коннотациями» и которые актуализируются «лишь в особых, периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. «непрямых» употреблениях слова» [Там же: 291, 289].

В предлагаемой статье делается попытка описать в рамках указанного подхода лексику «традиционного быта», в частности такой ее пласт, как наименования утвари, двух различных по своим генетическим корням языков – русского и казахского.

Утварь, несмотря на свою утилитарную предназначенность, обладает высокой семиотичностью, выступает как неотъемлемая составляющая различного рода обрядовых действий, наделяется символическими значениями и тем самым может рассматриваться как знаковое средство традиционной народной культуры.

Изучение наименований утвари, связанных с объективацией реалий обыденной жизни, позволяет проанализировать глубинные лингво-культурные традиции этноса.

В межъязыковом сопоставлении представляют интерес корреляции *ступа* – *келі*, *пест* – *келсап*. В плане денотативной семантики рус. *ступа* и каз. *келі* в целом совпадают, так как соотносятся с обозначением одного и того же предмета – сосуда для толчения. Ср.: *ступа* ‘металлический или тяжелый деревянный сосуд, в котором толкут что-либо пестом’ [Словарь русского языка 1988: 295]; *келі* ‘тары, бидай, арпа, т.б. дэнді дакылдарды туйіп уактау, унтактау үшін ағаш, темір, шойын сияқты катты нәрседен жасалған іші қуыс зат’ [Казак тілінін ...1979: 593] – досл. ‘полый предмет из твердого, крепкого дерева, железа, чугуна для толчения и измельчения проса, пшеницы, ячменя и др. зерновых культур’. Однако, как видно из словарной статьи, русское *ступа* отличается от казахского коррелята *келі* более широким объемом значения, поскольку обозначает сосуд вообще для толчения безотносительно к объекту (толчения).

Согласно Д.К.Зеленину, русские в ступе толкли не только зерно, но и конопляное семя перед пуском в маслобойку, а также конопляное и льняное волокно для размягчения и полного очищения его от костры, ивовую и дубовую кору для дубления, толкли (валяли) сукно в небольших количествах [Зеленин 1991: 118].

Для языкового сознания казахов в прошлом было актуально выражение *келі тубі* – досл. ‘дно ступы’, ‘со дна ступы’, так именовалась часть, доля, которая полагалась человеку, помогавшему толочь просо (*тары*).

Обычно при заготовке проса устраивался *асар* (помочь): приглашаются семь-восемь женщин, которые участвуют в толчении, провеивании, поджаривании проса, а хозяйка в знак благодарности угощает их затем чаем с *тары*: в пиалу кладут *тары*, заливают горячим чаем; пока пьют чай, *тары* становится мягким; едят *тары* в конце со сливочным маслом или сметаной [Культура и быт казахского аула 1967: 137]. По окончании чаепития каждая из помогавших женщин получает *келі тубі*.

Русское *ступа*, в отличие от своего казахского коррелята, развивает переносное значение. Оно характеризует ‘неуклюжего, тяжелого, неповоротливого человека, особенно женщину; лентяя, увальня, тяжелого на подъем’. Ср.: «Ходит ступа ступой» [Даль 1998, IV: 349]. В русских поговорках лексема *ступа* опосредованно используется для характеристики подвижного, ловкого, увертливого человека, ср.: «В него (в нее) и в ступе пестом не угодишь»; упрямого человека, ср.: «Ее и в ступе не утолчешь»; глупого человека, ср.: «Его толочь заставь, так он в ступке дно прошибет», «Дурака хоть в ступе толки», «Его ведьма в ступе высидела» [Там же: 349].

В казахском языке получает распространение выражение *келідей* – досл. ‘как ступа’, в основе которого лежит сравнение, реализующее такой физический параметр названного объекта, как большой размер. В соответствии с этим лексема-сравнение *келідей* передает значение ‘большой, очень крупный, огромный, громадный’. Ср.: *бэ-тенкесі келідей* – огромные ботинки; *карбызы келідей* – крупные арбузы .

Русское *пест* соотносится в основном с тем же денотатом, на которое указывает казахская лексема *келсап*: это ‘стержень (с утолщенным округлым концом, употребляемый) для толчения чего-либо в ступ(к)е’ [Словарь русского языка 1987: 114]. См. также описание *келсап* в [Казахская ССР... 1985: 235; Казак тілінін ...1979: 590]. Однако русское слово, по сравнению с его казахским коррелятом, обладает более широким семантическим потенциалом, поскольку оно употребляется не только для обозначения конкретного предмета, составляющего ближайшее жизненное окружение человека, но и для характеристики человека упрямого, глупого, тупого, случайного. Ср.: «От него ни крестом, ни пестом не отделаешься», «Замешался как пест в ложках», «Попал в люди как пест в ложки» [Даль 1998, III: 104].

Внутренняя форма лексемы *пест* утрачена для современных носителей русского языка: в их сознании она не связывается с глаголом пыхати (пихать), т.е. толкать, толочь (в ступе) [Преображенский 1958: 771]. Ср. сохранившееся в диалектах название

песта – *пехталь, пехтило*. В казахской параллели *келсап* сохраняется прямая обусловленность значения внутренней формой: ‘рукоять, черенок ступы’ (часть предмета, за которую берутся рукой для толчения).

Следует заметить, что в русском языке наряду с лексемой *пест* широко используется и ее синонимический дублет *толкач*. Ср. следующие словарные дефиниции: *пест* – ‘толкач (для толченья или растирки чего в ступке, или в ступе, толчее)’ [Даль 1998, III: 104; Преображенский 1958: 771]; *толкач* – ‘пест, особенно большой, деревянный’ [Даль 1998, IV: 411]. Лексема *толкач*, в отличие от *пест*, обладает живой внутренней формой, хранящей первопричину национальной лексической номинации – ‘то, чем толкут (в ступе)’.

В казахском языке употребительно прилагательное-сравнение *келсаптай*. Значение последнего аналогично приведенному выше значению лексемы-сравнения *келідей*. Ср. *келсаптай* ‘улкен, дәу’ (‘большой, огромный, громадный’) [Казак тілінін ...1979: 590].

Выражение *келсаппен түйгендей* в сочетании с глаголами речи передает значение ‘дәл, анық, түсінікті’ – ‘точно, метко, четко, ясно, понятно’. Ср. *Біздің Гали келте айтады, бірақ келсаппен түйгендей айтады, – деді бір күні маған Жәкен. Э.Тәжібаев, Омір* [Там же: 590] – Наш Гали говорит коротко, но метко, – сказал однажды мне Жакен.

Особое символическое значение в каждой национально-языковой системе приобретают *ступа – келі* и *пест (толкач) – келсап*. Символическая значимость *ступы* и *песта* основана их антропоморфизации, при которой акцент делается на половые признаки. Ср.: у русских полную девушку до сих пор дразнят «ступой», а неповоротливого парня – «толкачем». Ср. также русские поговорки: «Голодна ступа, давно макухи не ела!» (своего рода предупреждение, угроза женщине), «Поела ступа толкна, да не хвалит», «Пест, знай свою ступу!» [Даль 1998, IV: 349; Даль 1998, III: 104] и русские песни, в частности свадебную:

*«Как в лесе тетеры
Все чухари;
У (NN) поезжане
Все дураки,
Они в избу идут
Столбу кланяются.
Не здороваются.
Столбу бьют челом,
Будто тестю поклон;
Бьют ступе челом,
Будто теще поклон;
Песту бьют челом,
Будто шурина поклон...»* [Сумцов 1996: 21].

В русских свадебных обрядах *ступа* и *пест* широко использовались в различных шуточных, пародийных эпизодах; многие из них носили ярко выраженную эротическую окраску. Так, когда поезд молодого приезжал за невестой, производился шуточный обряд толчения воды в ступе. Сначала поезд молодого не пускали в ворота, затем останавливали у дверей дома. У порога родственники «княгини» били топором о топор, толкли воду в ступе, а из дома доносилась песня дружек:

*«Не наступай Литва!
Бо будет с нами битва!»*

Когда приходили сватать невесту, сваха в сенях находила ступу, в которой невеста толкла лен, и трижды вращала ее (ступу) вокруг себя. Это действие как бы

предваряло последующее: так же трижды невесту обведут в церкви вокруг алтаря – и это означает, что брак состоится [Зеленин 1991: 118]. Ср. также: в Вятской губернии, чтобы сватовство прошло успешно, сваха трижды поворачивала ступу, приговаривая: «Как не упрямится ступа, так бы не упрямилась и невеста». В Пензенской же губернии, когда сваха из дома жениха шла в дом невесты, родственники женихи катили за ней ступу, выражая тем самым надежду, что сваха «утолчет и угладит» все проблемы [Там же: 118].

В конце свадебного обеда сваты под музыку с караваем в руках трижды, пританцовывая, обходили вокруг ступы, затем делили каравай на ступе. В русских свадебных обрядах образ каравай воплощает в себе глубокое философское содержание – это символ материального благополучия, богатства, прочности брака, продолжения рода. Ступа, как было отмечено, эротический символ, воплощение женского лона. Обнесение каравай вокруг ступы и последующее деление его на ступе воспринимается, на наш взгляд, как своего рода перенос положительных свойств каравай на ступу: пожелание богатого рода, обилия потомства новой семье.

После свадьбы гости для испытания характера молодой наливали воду в ступу и давали ей толочь до тех пор, пока не выплещет всей воды.

Эротическое осмысление словесных образов *ступы* и *песта* мы находим в обрядовых действиях и у казахов. Правда, в отличие от русских, они связаны не со свадьбой, а с рождением ребенка. При длительных родах производился ритуал толчения в ступе возле «родильной юрты», сопровождаемый словами «тус–тус!» – «выходи!» Слова эти обращены к рождающемуся ребенку. Этот обычай связан с имитативной магией – подобное вызывает подобное [Толеубаев 1991: 66].

В свадебной же обрядности у казахов *ступа* и *пест* символизировали, с одной стороны, связь казаха с землей, а с другой – «деловые» качества невестки-работницы. Так, у казахов Семиречья в приданое невесте обязательно давали ступу для толчения проса. После свадьбы, когда молодая переезжала в семью мужа, ее умение работать по хозяйству, проверяли в первую очередь на толчении проса. Ср. в этой связи бытующее в казахском языке выражение *келсаппен туйгендей* – досл. ‘как будто истолок пестом’, что передает значение ‘точно, метко, четко, ясно, понятно’.

В языковом сознании русских слово *ступа* может отождествляться и с церковным аналогом. На Псковщине во время святочных игр «венчались» вокруг ступы, которая изображала аналой [Топорков 1995: 369].

Ступа и *пест* в русских сказках, быличках и повериях становятся атрибутом демонических существ (Бабы-Яги, ведьмы, русалки). Баба-Яга, костяная нога, в ступе едет, помелом погоняет – такова Баба-яга в русских сказках. Пользуется она и неразлучным спутником ступы – пестом. В сказках Владимирской губернии Баба-яга «ездит в ступе, пестом погоняет, вперед метлой дорогу разметает»; или «ездит в ступе, пестом упирается, помелом побивается, хлещет сама себя сзади, чтобы прытче бежать» [Там же: 306].

Согласно поверьям, в ступе летают и «родственницы» Бабы-Яги – ведьмы. Считалось, что у ведьм необходимыми орудиями, наряду со ступой, являются «...толчач, помело, сыч или филин, кот большой, треножник, кочерга и кадка с водой... Ведьмы прилетают на помелах, ухватах или ступе, в руках у них бывает толчач или рог с табаком» [Топорков 1995: 306].

Баба-Яга пользуется пестом не только как средством передвижения, но и как своего рода «оружием», с помощью которого она сражается с людьми. Ср. «Едет на ступе баба Яга, подъехала к старику и заругалась... Ударила старика пестом, старик повалился...». От удара пестом Бабы-Яги герой сказки также превращается в камень [Там же: 306].

Как можно заметить, Баба-Яга и ведьма пользуются самыми обычными предметами домашнего обихода, как ступа, пест, помело, кочерга, хлебная лопата. Это, по всей видимости, связано с тем, что в традиционном крестьянском быту их использовали не только по прямому назначению, но и в различных магических ритуалах.

Известно, что во многих старинных русских обрядах женщины распускают волосы, обнажаются, ездят на помеле (или кочерге), сидят в ступе, т.е. ведут себя точно так же, как ведьмы. Ср., н-р, как производилось опахивание – ритуальный обряд защиты животных от эпидемий: *«Если случится в деревне падеж скота ... бабы в сумерки собираются с двора по человеку, нагие, с распущенными косами, между ними вдова идет впереди верхом на помеле, за нею беременная женщина управляет сохой, ведомую тоже женщинами или девками, для опапки вокруг селения земли. При этом случае все они вооружены ухватами, кочергами, сковороднями, бьют в печные заслоны и сковороды рукою и палкою... прыгают одна на другую, пляшут, произнося разные ругательства, громко нараспев. ...Если при этом кто-нибудь встретится, тот ... подвергается всякому насилию, побоям и ругательствам»* [Топорков 1989: 127]. Вполне вероятно, что случайный прохожий может принять их за ведьм, которые собрались на своеобразный шабаш. Таким образом, то, что народное воображение наделяет ведьм такими «обыденными» атрибутами не случайно, оно основано на реальных ощущениях. То же самое можно сказать о ступе и песте. Их, как было отмечено выше, использовали в самых различных обрядах.

Особый круг представлений, связанных со ступой и пестом в русской народной медицине, способствует осмыслению их как своеобразных символов «очищения» (избавления) от различного рода болезней. Слово *ступа* (и *пест*) в сознании русских связывается с возможностью «перетолочь» болезнь, «замкнуть», «запереть» ее, а также «перетолочь» больное животное на здоровое. Так, известны обряды, при которых в ступу клали одежду (рубашку) больного ребенка и толкли пестом, а также помещали под ступу одежду больного лихорадкой с угрозами «заморить» болезнь. Ср. *«У маленьких детей бывает «спиравица» – колотье. Средство от спиравицы: снимают с ребенка рубашку, складывают ее так, чтобы чрез ворот и подол была пустота (кольцо), кладут рубашку в таком виде в ступу, которую вносят в сени и толкут пестом в середину, чтобы не растолочь рубашку. Мать остается в избе с ребенком, а, когда в сенях другая женщина сделает 9 ударов, она (мать) должна спросить: «Что ты толчешь там?» «Спиравицы», – отвечает толкущая. Тогда мать говорит: «Толки их гораже, чтобы вовеки не было». Опять следуют 9 ударов пестом и тот же разговор, и так три раза. Потом рубашку снова одевают на ребенка и колотье прекращается»* [Там же: 128].

Во время приступа лихорадки рубаху, штаны, пояс и крест больного клали под ступу и говорили: *«Марья Идровна, отпусти его, не то я тебя под ступой заморю; коли ты не оставишь, и я тебя не выпущу!»* [Там же: 128].

В заговоре от недругов (XVII в.) рекомендовалось при выходе из дома толкнуть левой рукой ступу и произнести следующие слова: *«Как ся ступа пала, так бы мои недруги повалялись пред мною и попадали»*. От детской бессонницы заговаривали: *«Полуношница Анна Ивановна, по ночам не ходи, рабы Божьей (имярек) не буди! Вот тебе работа: днем играй пестом да ступой, а ночью матицей»* [Там же: 128].

Символическая отмеченность ступы и песта оказывает влияние как на их ритуальное использование, так и на правила повседневного обращения с ними. Так, не разрешалось оставлять на ночь пест в ступе, так как полагали, что это вызовет ссору в семье или сплетни о семье, а также сзывает нечистую силу, которая и будет толочь этим пестом ночью.

Нарушение запрета, как можно заметить, имеет бытовые (ссора в семье, сплетни о семье) и сверхъестественные последствия (появление демонических существ). Такой синкретизм закономерен для носителей традиционного сознания, поскольку несчастье вообще рассматривается ими как результат (следствие) вмешательства нечистой силы в дела человека.

Рус. *ступа-пест* и каз. *келі-келсап*, объединенные общей референциальной отнесенностью, обнаруживают своеобразие в сфере основного лексического значения, переносных, образных значений, характере мотивации, в определенной мере показательное для национального жизненного уклада.

Таким образом, рассмотрение даже такой небольшой части слов-наименований утвари в контексте русской и казахской культуры позволяет говорить о важности и необходимости привлечения большого количества знаний историко-культурного фона к изучению семантики слова во всем ее объеме.

Литература

- ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 4.
ЗЕЛЕНИН Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
КАЗАК ТІЛІНІН ТУСІНДІРМЕ СОЗДІГІ : 10т. / Жалпы ред. А.Ы.Ыскаков. Алматы, 1979. 4 т.
КАЗАХСКАЯ ССР. Краткая энциклопедия: В 4 т. / Под ред. М.К.Козыбаева. Алма-Ата, 1985. Т. 1.
КУЛЬТУРА И БЫТ КАЗАХСКОГО АУЛА / Отв. ред. А.Х.Маргулан, В.В.Востров. Алма-Ата, 1967.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.Г. Этимологический словарь русского языка. М, 1958.
СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1987. Т. 3.
СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: В 4 т. / Под ред. А. П.Евгеньевой. М., 1988. Т. 4.
СУМЦОВ Н.Ф. Символика славянских обрядов. М.,1996.
ТОЛЕУБАЕВ А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991.
ТОЛСТОЙ Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
ТОПОРКОВ А.Л. Откуда у Бабы-Яги ступа? // Русская речь. М., 1989. № 4. С. 126-130.
ТОПОРКОВ А.Л. Ступа // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М, 1995. С. 369.
ТОПОРКОВ А.Л. Пест // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 306-307.

Abstract

This report is devoted to cultural semantics of the names of utensil of Russian and Kazakh languages, which are unrelated and belong to different systems. The units of the lexical level are described not only as linguistic proper but also as lingucultural phenomena. The study of the names of utensil related to objectification of everyday life realities lets to analyze deep lingucultural traditions of ethnoses.